ДИККЕНС В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

175 лет назад в пригороде Портсмута в семье мелкого клерка родился величайший английский писатель XIX века Чарльз Диккенс. Глубокое знание жизни средних слоев английского общества, основанное на личном опыте, а также работа в газете породили в Диккенсе желание писать. Начал он с «Очерков Боза» — быто- и нравоописательных эссе, посвященных жизни Лондона. В 1848 году он опубликовал «Посмертные записки Пиквикского клуба», которые принесли ему огромную известность. После выхода «Записок» в свет Диккенс оставил работу в газете, чтобы заняться писательским трудом. С тех пор слава его лишь множилась, перешагнула границы Англии, прокатилась по Европе и Америке. Куда бы он ни приехал, его везде окружали писатели, журналисты, поклонники его таланта. Авторские чтения Диккенса и на родине, и за границей собирали толпы народа. В 1870 году бывший мальчик для наклеивания этикеток на баночки ваксы Уоррена был приглашен в Букингемский дворец для беседы с королевой Англии.

Он обладал удивительной трудоспособностью. Он работал, не пропуская ни дня. Он чувствовал, что о б я з а н писать. Писать о несчастных, замученных жизнью большого города, о подлецах, наживающихся на чужом горе, о жестокости и красоте.

Диккенс не осознавал своего величия. Его скромность поражала. Того мягкого, тонкого юмора, которым наполнены многие его книги, он не терял и в жизни. Люди, знавшие Диккенса, навсегда сохранили о нем самые теплые и светлые воспоминания...

В 1870 году Диккенса не стало. Он умер, не успев закончить свой последний роман «Тайна Эдвина Друда»...

С тех пор прошло более ста лет. Но вплоть до наших дней продолжает выходить огромное количество томов исследований его творчества. Сотни людей стремились опубликовать свои воспоминания о великом писателе. В 1981 году английский литературовед Филип Коллинз выпустил в свет двухтомник собранных им воспоминаний «Диккенс. Интервью и воспоминания». Авторы этой книги — друзья и родные Диккенса, люди, с которыми он общался на протяжении всей жизни, и те, кто лишь раз видел его.

«Литературная Россия» предлагает вниманию читателей главы из книги «Диккенс. Интервью и воспоминания».

Чарльз ДИККЕНС. Дагерротип Генри КЛОДЕ (1850 г.)

ДЖОН У. БОУДЕН, школьный приятель Диккенса. Из письма, направленного им в газету «Дейли Ньюс» в 1871 году:

«...Мы с Диккенсом сидели за соседними партами и вместе выпускали газету на листках из прописей. Издание было чуть ли не ежемесячным и называлось «Наша газета». В оплату за ее чтение шли мраморные шарики и кусочки грифеля. Газета содержала всевозможные перлы мальчишеского остроумия, как, например, такие:

Утеряно: Из жилетного кармана джентльмена акр земли. Нашедшего и вернувшего ждет вознаграждение.

Утеряно: Мальчиком с длинным красным носом и серыми глазами плохое настроение. Нашедшего просят оставить находку при себе, так как пострадавший чувствует себя с момента потери гораздо лучше».

ЭДВАРД БЛЭКМОР, младший компаньон в адвокатской конторе «Эллис и Блэкмор», где Диккенс проработал в качестве клерка с весны 1827 года до зимы 1828/29 годов. Это было первое место работы Диккенса.

«...Некоторые считают, что мистер Пекер из «Пиквикского клуба» списан с меня. Я же думаю, что не с меня, а с моего компаньона Эллиса, который лет на десять старше и который имеет некоторые черты Пекера — например, он заядлый нюхальщик табака. Поразительные описания различных классов клерков из адвокатской конторы в 30-й главе «Пиквикского клуба» взяты из жизни. Я без труда опознал в них работавших у нас клерков, двое из которых живы и по сю пору.

Хорошо помню праздник, когда я пригласил всех наших клерков к обеду. Там был такой Поттер, с которым за столом случилась маленькая неприятность. Он потом не появлялся в конторе дня два. Когда он пришел на работу, Диккенс принялся подшучивать над ним, указывая на большое количество выпитого вина. Но Поттер настаивал, что виновато было не вино, а семга. Диккенс не забыл этой фразы и увековечил ее в 7-й главе «Пиквикского клуба» [1].

ЧАРЛЬЗ МАКЕЙ, журналист, поэт. Впервые Диккенс познакомился с ним, когда он был помощником редактора газеты «Морнинг Кроникл». Диккенс проработал в этой газете с августа 1834 года до ноября 1836 года.

«Мне исполнился тогда двадцать один год. Диккенс был на два года моложе меня. В литературе наши имена тогда не были известны, но Диккенс приобрел некоторую популярность как автор живых очерков, публиковавшихся в «Ивнинг Кроникл»,— приложение к «Морнинг Кроникл»,— которые он подписывал прославленным теперь именем Боз [2]. Он был одним из двенадцати парламентских репортеров [3] «Кроникл» и имел репутацию самого быстрого, самого аккуратного и самого правдивого репортера.

В мои обязанности помощника редактора входило и обеспечение, с согласия господ Хогарта и Блэка [редакторов «Морнинг Кроникл»], работой парламентских репортеров в период каникул, когда парламент не собирался на сессии, то есть привлечение их к ежедневной работе газеты — к написанию отчетов с общественных собраний, книжных обзоров, рецензий на театральные пьесы. Мистер Блэк, насколько это было возможно, освобождал Диккенса от всего этого, так как был очень высокого мнения о его талантах и стремился не занимать Диккенса второсортной работой критика. «Любой дурак способен более или менее справедливо судить о книге или спектакле,— говорил мистер Блэк с сильным шотландским акцентом.— А Боз предназначен для большего. Он способен сам задать работу критикам. Боз никогда не был большим книгочеем, зато он как никто знает жизнь. Держите Боза в резерве для особых случаев. Он поймет».

[1] Мистер Блэкмор имеет в виду следующую фразу Снодграсса (правда, не из 7-й, а из 8-й главы): «Вовсе не вино,— прерывающимся голосом проборотал мистер Снодграсс, — это семга. (Почему-то в таких случаях вино никогда не бывает виновато)».

[2] «Очерки Боза» — нравоописательные эссе, первые литературные опыты Ч. Диккенса (1836 г.).

[3] В обязанности парламентских репортеров входило стенографирование выступлений на заседаниях парламента и отчеты об этих заседаниях.

Из книги ЧАРЛЬЗА КЕНТА «Чарльз Диккенс — рассказчик»:

«...Один современный писатель вспоминал, как однажды Диккенс сказал ему: «Лишь раз в жизни я по-настоящему испугался». Дело было так. В самый разгар первой публикации «Дэвида Копперфилда» [4] у Диккенса не хватило писчей бумаги, и он пошел купить ее. Он собирался тут же вернуться домой и сесть за работу над главами для следующего выпуска, из которых к тому времени не было написано ни строки. Подойдя к дверям магазина, он на секунду задержался, чтобы пропустить вперед даму. И потом рассказывал, со смешанным чувством радости и испуга, как услышал, что эта самая дама спрашивает у торговца свежий номер «Дэвида Копперфилда». Тот протянул ей его. «Ах, этот,— сказала дама,— этот я уже читала. Мне нужен следующий». Следующий номер, о котором она говорила, должен был выйти лишь в конце месяца. «Я слушал этот разговор, оставаясь неузнанным. Я помнил, для чего пришел сюда, помнил, что из той части, о которой она спрашивала, еще не написано ни строки. И тут я в первый и последний раз в жизни почувствовал страх!»

ЧАРЛЬЗ НАЙТ, писатель и издатель (из воспоминаний, записанных Артуром Локером, журналистом):

«Диккенс как-то сказал миссис Найт, что никогда не придумывает своим героям имен, что все имена в его произведениях — подлинно существующие. Когда он слышал какое-то необычное имя, то тут же записывал его. На письменном столе Диккенса стояло несколько ящичков, где хранились бумажки со всевозможными именами».

МЭРИ ДИККЕНС, старшая дочь писателя:

«Папа предпочитал работать в одиночестве, но отблески приключений его героев мы наблюдали на его лице в течение всего дня. В часы, когда он работал, тишина соблюдалась неукоснительно, малейший звук роковым образом сказывался на работе. Хотя, как это ни странно, в эти часы шум и суета большого города были, кажется, ему необходимы...

Как я уже говорила, работал он обычно в одиночестве. Но были, разумеется, и исключения. И я сама была им причиной. Когда мы жили в Тэйвистон Хаус, я долго и серьезно болела, потом долго выздоравливала [5]. И папа просил, чтобы меня каждый день приносили к нему в кабинет. И хотя я очень боялась помешать ему, он убеждал, что очень хочет видеть меня рядом во время работы. Однажды я лежала на диване в папином кабинете и изо всех сил старалась не мешать. Папа быстро и увлеченно писал что-то. Вдруг он вскочил и бросился к зеркалу, которое висело тут же. Я увидела, как он принялся гримасничать перед ним. Затем он быстро вернулся к столу, несколько минут очень скоро записывал что-то, а потом вновь поспешно обратился к зеркалу и продолжил свою пантомиму. Затем, отвернувшись от зеркала, попрежнему не замечая меня, папа начал бормотать что-то низким голосом. Но, быстро перестав, вернулся к столу и не вставал уже до второго завтрака. Помню, меня тогда потрясло его поведение. И лишь много позже я все поняла. Со свойственной папе страстностью он полностью перевоплощался в рожденный им персонаж. В такие минуты он не замечал вокруг себя никого и вел себя так, как должны были вести себя создания его пера...»

[4] Роман впервые вышел отдельными ежемесячными выпусками (май 1849 г.— декабрь 1850 г.).

[5] Это было в 1854 году, когда Диккенс работал над «Тяжелыми временами».

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС-младший, старший сын писателя:

«Что касается методов его работы, то они не менялись ни при каких условиях. Он был аккуратен и дисциплинирован, как редкий клерк. Никакая скучная, монотонная работа не выполнялась с такой пунктуальностью, такой деловитой размеренностью, с какой он записывал плоды своей фантазии, своего воображения. Каждый день, за очень и очень редким исключением, отец без нескольких минут десять садился за письменный стол, который благодаря пачкам бумаги, письменным принадлежностям, затейливым бронзовым фигуркам, которые отсюда очень любил, был самым уютным уголком дома. Отец оставался за столом до второго завтрака, а порой, когда какая-либо идея совершенно овладевала им или же ему надо было срочно закончить что-то, то и дольше. Получалось у него или нет — значения не имело. Отец не принимал теории о том, что нельзя садиться за работу, не дождавшись вдохновения. Но и не впадал в другую крайность, не заставлял себя, подобно Троллопу [6], писать в день определенное количество страниц. «Сидеть за письменным столом — моя служба»,— говорил отец. И он оставался за столом, вне зависимости от того, хорошо или плохо шла работа. Помню дни, когда им не было написано ни единой строки. И не раз, сидя в кабинете отца в то время, как он работал (правда, в последние годы это случалось не часто), я видел, что отец за все утро написал едва пару строк, да и после говорил, что день прошел впустую. Но по особому выражению лица, по тому сосредоточенному взгляду, который я так хорошо изучил, я понимал, что отец за эти часы тщательно обдумал какую-то тему. И на следующее утро работа шла уже сравнительно легко.

Когда отец писал очередную толстую книгу и с головой уходил в разработку сюжета, то проживал в это время две жизни. Одну — среди нас, своих домашних, другую — в окружении им же выдуманных персонажей. Более того, я уверен, что временами создания его фантазии были для него более реальными, чем мы, живые. Часто я слышал от отца, что он не может заставить свои персонажи действовать по его воле, что они ведут себя, как считают нужным. Я очень хорошо помню, как отец рассказывал, будто его герои толпятся вокруг его письменного стола. Так бывало в те летние утренние часы, когда он, против обыкновения, рано садился за работу. И каждое из его созданий требовало постоянного внимания только к себе одному. В эти дни персонажи не оставляли его в покое даже на прогулке. И все мы понимали, что означает его молчание. Отец не просто прерывал разговор — он с головой уходил в свои мысли. Ему никто не мешал. Многие мили прошагал я рядом с молчащим отцом. Он шел быстро, смотрел прямо перед собой, губы его едва заметно шевелились, как шевелились они лишь тогда, когда он размышлял или писал. Отец не замечал того, кто шел рядом, и обгонял спутника. Когда же он наконец находил решение, то вновь приноравливал свои шаги к шагам идущего с ним рядом и возобновлял разговор, будто долгой паузы не было вовсе».

[6] Антони Троллоп (1815—1882) — английский писатель-реалист.

ГЕНРИ БАРНЕТ, муж сестры Диккенса Фанни:

«Друзья знали, что в своем кабинете он [Диккенс] никогда не бывает один, но всегда со своими героями. Он сам говорил, что был влюблен в Крошку Нелли, долго оплакивал ее смерть. Будто, по его же словам, потерял родного человека. Помню, как один из друзей спросил: «Диккенс, какую вашу книгу вы любите больше?» На что тот ответил: «Говорят, родители больше любят самого слабенького, самого хилого ребенка. Если это так, то я с большей нежностью отношусь к «Лавке древностей»...»

К. ЭДВАРД ЛЕСТЕР, американский журналист:

«Позвольте спросить вас, сэр,— обратился я [к Диккенсу],— одноглазый Сквирс, грубый, но добрый Джон Броуди, мудрый Дик Свивелер, демонический интриган Квилп, милая Крошка Нелли — лишь плод вашего воображения?

— Нет, сэр,— ответил он.— Все они — копии. Подлинные судьбы во всех отношениях. В своих книгах я старался как можно лучше и правдивее описать то, чему сам был свидетелем. Моя жизнь, мои поиски заставили меня познакомиться с бесчисленными примерами необыкновенной гнусности и затаившегося злодейства.

Я искал глубочайшую нищету, а нашел разбитые души, слишком прекрасные для этого мира. Многие из тех, кто сегодня пребывает в жалком положении, знавали лучшие дни. Некогда у них были друзья и достаток, но они лишились всего, опустившись в глубины нужды и скорби. Таких людей множество.

А сколько их, влачащих жизнь в работных домах, в трущобах Лондона. У них отняли все, кроме веры в Господа и умирающей матери. Многие под гнетом обстоятельств позволили страстям одержать над ними верх, и единственный роковой шаг привел их к полному краху. Лондон — да что Лондон, вся Англия полна нищими, несчастными и преступившими закон. Писатели не позаботились описать все это. Общество отмежевалось от мрачной жизни этого огромного города. Несчастные обречены проклинать холодную благотворительность себялюбивого общества, обречены на гибель. В Лондоне исстрадавшихся душ больше, чем где бы то ни было. Преступность, голодная смерть, едва прикрытое лохмотьями тело, беды и несчастья — все это вы в огромном количестве найдете в столице. Я считаю, что окажу обществу посильную помощь, если явлю сцены этой жизни перед теми, кто никогда ничего подобного не видел, перед теми, кто считает, что такого просто не может быть. Кажется, я преуспел в этом. Ничто не приносит мне такой радости, как мысль о том, что одни написанные моей рукой страницы гнали от людей уныние, а другие вызывали сострадание. Думаю, человеческое сердце очищается в поисках чужих несчастий, в облегчении их.

Много времени провел я в самых мрачных уголках столицы, изучая истории человеческих душ. Лишь там найдем душу. В высших кругах есть что угодно, кроме личностей. И только в лачуге, где царят бедность и страдание, тяжелые испытания рождают личность. Я часто бродил в таких местах и именно там видел множество примеров подлинной любви и героического терпения, которые сделали бы честь представителям любых слоев общества. Я встречал людей, все мечты которых сводились к тому, чтобы не упустить даже слабого признака удачи, малейшего дара Небес. После таких похождений я возвращался домой с ощущением, что стал еще мрачнее, но и еще лучше. Описывая этих людей, я пытался почувствовать то, что обычно чувствуют они. Я преуспел лишь в том, что углубил знание несчастий и печалей бедных людей и поведал об их жизни так, как они сделали бы это сами.

Моя встреча с мистером Диккенсом длилась два часа, и я покинул его глубоко потрясенный великой добротой и огромным, переполняющим до краев его душу человеколюбием. Во всей Британской Империи нет второго такого писателя, который во имя человеколюбия сделал так много».

АННА ИЗАБЕЛЛА РИТЧ, старшая дочь У. М. Теккерея:

«Примерно полтора года спустя после смерти отца К. Э. [7] сказала нам с сестрой: «Знаю, вы можете отказаться, но я хочу провести вас на чтение «Дэвида Копперфилда» в Сент-Джеймс Холл. Это последнее чтение в Лондоне. Места для вас я заказала». Она так горячо настаивала, что мы сдались. И я всегда буду благодарна ей за этот вечер. До того дня я лишь раз слышала, как читает Диккенс. Но после этого выступления его голос запомнился мне на всю жизнь. Наши места были перед сценой — чуть справа. Большой зал был довольно тускло освещен — особенно если учесть огромное количество народа, собравшегося там. На помосте одиноко стоял худощавый человек, спокойно взирая на длинные ряды слушателей. Казалось, он, стоя на совершенно пустой сцене, таинственным образом держит в напряжении весь зал. И тут он начал читать... Копперфилд, Стирфорд, Ярмут, рыбаки, Пегготи, внезапно начавшаяся буря — все было здесь, все окружило нас... Не было ни актеров, ни музыки — ничего, но я до сих пор ясно вижу перед собой возникшие картины. Свет горит в окошке рыбачьей хижины, стихает смех, начинается буря. Затаив дыхание, все мы следим за ней с берега, и (это я помню особенно отчетливо) огромная волна обрушилась на сцену откуда-то сверху, сметая все на своем пути... Баркас, фигура Стирфорда, который в красной матросской шапочке борется за жизнь, ухватившись за обломок мачты... Все кончилось. Мы смеялись и плакали от пережитого волнения...» [8]

ПЕРСИ ФИЦДЖЕРАЛЬД, ирландский журналист и писатель, поклонник творчества Диккенса. В 1900 году основал «Клуб Боза».

«На вопрос «Какая главная черта Диккенса?» я отвечу — скромность. Да, скромность, несмотря на то положение, какое он занимал. Более скромного человека я не встречал. Он совершенно не избалован. Он не был, что называется, заносчивым. Не давал волю капризам, причудам. Всегда был скромным, тихим, непритязательным. Никогда не стремился занять первое место, признавал за собой только второе. Предпочитал слушать других, а не говорить самому. Не любил бесконечно острить, зато первым был готов смеяться чужим шуткам. Пожалуй, Диккенс был даже слишком застенчивым.

Я вспоминаю, как на одном обеде среди гостей оказался некий судейский — на редкость шумный и говорливый тип, который полностью завладел разговором, оттеснив, к большому негодованию присутствующих, великого гостя — Диккенса. В конце концов этот судья достиг пика своей невоздержанности: «Я обращаюсь к вам, мистер Диккенс. Есть ли среди современных писателей такой, кто мог бы тягаться с Вальтером Скоттом?» — к ужасу всех присутствующих спросил он. Но Диккенс очень вежливо ответил: «Совершенно с вами согласен. Я считаю Вальтера Скотта первым среди писателей». А потом назвал свое самое любимое произведение Скотта — «Ламмермурская невеста» — и объяснил, почему он так считает».

Преподобный Г. Д. КАРРОУ, пастор методистской церкви в Филадельфии. Из воспоминаний о беседе, которая состоялась у него с Диккенсом в Лондоне:

«— При том огромном интересе, который вызывают ваши работы в Америке, читатели в нашей стране решили, что получили право собственности на вашу личную жизнь [9]. Вы должны простить чисто американский интерес к вашей жизни и вашей работе. В моей стране бытует мнение, что вы работаете по ночам. Так ли это?

— Это ошибка. Могу коротко описать, как я привык работать. Встаю в семь, завтракаю в восемь. До десяти хожу пешком или совершаю верховую прогулку, а также читаю утренние газеты. В десять ровно сажусь за письменный стол и, если работа не идет, встаю из-за стола в четыре. Затем опять гуляю. В шесть иду обедать и остаюсь за столом до десяти. В это время я беседую с семьей о наших домашних делах либо принимаю друзей, которые оказали мне честь своим посещением. На этом основные события дня заканчиваются, я иду к себе в кабинет, немного играю на флейте, читаю обозрения или изучаю интересные публикации, оставленные для меня на столе. Ровно в двенадцать я тушу свет и ложусь. Я так неуклонно соблюдаю этот режим, что мои домашние считают меня помешавшимся на нем...

...Я спросил Диккенса:

— Основаны ли ваши описания районов Лондона на личном наблюдении? И если так, то совершаете вы свои прогулки инкогнито или же без маски?

— Вы правы, закоулки столицы, описания которых вы читали у меня, я видел собственными глазами. Порой приходилось, так сказать, надевать маску, порой она была не нужна. Когда во время прогулок по пользующимся дурной славой районам моя предосторожность мешала мне как следует узнать нечто, я шел медленно, напуская на себя деловой вид, притворяясь сборщиком квартирной платы либо врачом, совершающим визиты к своим пациентам. Когда же какая-либо уличная сценка привлекала мое внимание, я останавливался, всем своим видом стараясь дать понять, что просто жду извозчика или же размышляю, куда идти дальше. А иногда покупал какую-нибудь безделицу, заводил разговор с продавцом, тянул время, выбирая покупку, а то и заказывал стаканчик, ждал, пока осядет пена, и долго потягивал напиток.

Посещая воровские притоны и прочие злачные места, я всякий раз почитал за благо захватить с собой полисмена, прекрасно знающего район, который я собирался исследовать. Он представлял меня обитателям трущоб как своего старого друга, который не в первый раз совершает с ним вместе обход исключительно из желания поболтать об ушедших днях туманной юности. Такие походы я называю «денек у Филда» [10]. Полагаю, сэр, что знаю Лондон как никто из его жителей».

Из рассказа ДЖОРДЖА ВУЛИ, садовника в доме Диккенса в Гэд-Хилл, Кент. Вули работал у Диккенса в 1865 году. Рассказ этот записан Уильямом Р. Хьюджесом в 1938 году:

«Помню ли я его? Еще бы! С тех пор у кого я только не работал, в больших домах, в домах похуже, но ни для кого не работал с такой охотой, как для господина Чарльза. Настоящий джентльмен был, настоящий. Всегда носил белый котелок и сюртук. Теперь таких не увидишь.

Никто от него не слышал грубого слова. Хотя он и любил быть один, не любил, когда мешают. Напротив дома было что-то вроде рощицы, которую хозяин называл Урочище. Там он работал... Часто я слышал — будто кто-то речь читает. Поначалу я гадал — что бы это могло быть, а потом узнал, что господин Диккенс так вслух пишет. Писал он тогда «Тайну Эдвина Друда»...

Очень щедрый был человек. Всегда полон дом гостей. А если кто из его друзей проезжал мимо и не заходил к нему, то он очень сердился. Смех у господина Диккенса был такой приятный, и настроение всегда ровное, хорошее. Он был президентом деревенской крикетной команды, и если у них в конце сезона не хватало в кассе денег, то господин Чарльз всегда выручал».

КЕЙТ ДИККЕНС ПЕРУДЖИНИ, дочь писателя. Из книги «Эдвин Друд» и последние дни Чарльза Диккенса»:

«То, что во время работы над «Эдвином Друдом» ум моего отца был ясен и светел, ни у кого из нас, его домашних, не вызывает сомнения. И тот огромный интерес, который он испытывал к этой своей работе, проявлялся во всем, что бы он ни говорил, ни делал. Но интерес этот был предметом беспокойства тех, кто видел, как он работает. Считали, что отец слишком неэкономно расходует свои силы. Смерть его была неожиданной, внезапной, но тем, кто любил его, не раз говорили, что здоровье отца слабеет. Ведь никто не хотел понять, что книга, которая его тогда так занимала, то, что он полностью отдает свои силы новому роману, — все это было слишком дорогой платой за безвозвратно уходящие силы. Любые попытки остановить его кипучую деятельность были сродни попыткам остановить реку. Мы знали всю бесполезность наших стараний и ограничивались все новыми и новыми увещеваниями. Работа продолжалась, унося у отца немногие остававшиеся ему дни жизни...

...Несколько минут он [Диккенс] молчал, подперев голову руками, а потом заговорил о своих делах, рассказал о себе, упомянул в числе прочего об «Эдвине Друде», сказал, что, по-видимому, книга эта будет иметь успех. «Если Господь даст мне закончить ее».

Должно быть, я, напуганная его мрачным тоном, резко подняла на отца глаза, поскольку он взял меня за руку и проговорил: «Я сказал «если», потому что ты и сама видишь, как я сдал за последнее время». Он замолчал, задумчиво глядя в темноту за окном. А потом тихо-тихо заговорил о своей жизни, и многое из того, что я услышала в тот вечер, оказалось для меня внове [11]. То, что отец говорит мне об этом, мне в ту минуту не показалось странным. Но меня взволновал его тон. Он говорил о прошлом, ни разу не упомянув о том, что будет завтра. Отец говорил так, будто жизнь кончена. Мы сидели вдвоем, он рассказывал, а я лишь временами прерывала его словами любви и нежности. Ранний летний рассвет осветил оранжерею, и мы поднялись в дом. Расстались мы с отцом у дверей его спальни. Но я, взволнованная разговором, так и не смогла заснуть...»

ФРАНЧЕСКО БЕРГЕР, английский композитор, близко знавший Диккенса:

«Меня часто спрашивают: «Вы знали Диккенса, расскажите о нем. Что это был за человек?»

В таких случаях я всегда советую: прочтите его книги, ибо в них вы найдете все, что хотите знать о нем. Еще ни один писатель не раскрыл себя в своих произведениях так, как это сделал Диккенс...»

С английского.
Перевод С. ОЛОНИНА

[7] Подруга сестер Теккерей.

[8] Диккенс читал 26-ю главу из «Дэвида Копперфилда».

[9] Очевидцы рассказывают, что когда в Нью-Йорк приходило судно, на котором везли в Америку новый выпуск какого-либо романа Диккенса, его встречали толпы людей, жаждущих продолжения приключений любимых героев.

[10] Инспектор Филд, под чьей охраной Диккенс совершал свои рискованные прогулки.

[11] Многие факты биографии Диккенса дети писателя узнали лишь из вышедшей после его смерти биографии. Например, он ни разу не обмолвился домашним о том, что работал на фабрике Уоррена